

Вэнь Гули подошел и пнул Су Тубао, громко крича на него:

— Ты что, совсем охренел? Думал, я не видел, как ты кинул в меня кирпич? Ты человек вообще? Су Тубао, я терпел тебя только потому, что ты брат моего парня. Из-за этого я сдерживался. А теперь ты еще и на моего парня замахнулся? Ты жить надоел? Хочешь смерти? Сейчас я тебе устрою, я вас всех прикончу.

Его гневный вид действительно напугал мать и сына, словно разъяренный лев, который казался еще страшнее из-за ярости, пылавшей в его глазах.

Цай Сяохун испугалась, что он может убить ее сына, и, схватив его за ногу, начала умолять:

— Нет, нет, добрый человек, умоляю, мы неправы, мы больше не будем. Пожалуйста, не убивай моего сына, отпусти нас. Я больше не буду его обижать, хорошо? Если хочешь кого-то наказать, накажи меня, но не трогай моего сына.

Вэнь Гули не был тем, кто щадит женщин. Хотя он и не бил женщин, это не означало, что он не станет бить подлых людей. Услышав ее слова, он пнул ее:

— Думаешь, тебе удастся избежать наказания? Сначала разберусь с твоим сыном, а потом доберусь и до тебя. Никто из вас не уйдет. Вы хотели бить моего парня? Меня? Посмотрите на себя, что вы можете? Сегодня никто из вас не уйдет отсюда живым. Я ведь злодей, правда? Я ведь ублюдок? Тогда я покажу вам, как злодей разбирается с такими, как вы.

Цай Сяохун, услышав это, задрожала от страха, опустилась на колени и продолжала умолять:

— Нет, нет, я неправа, я неправа. Чжиэнь, спаси маму, пожалуйста, ведь я твоя мать. Тубао — твой брат. То, что вы делаете, неправильно. Я обещаю, что больше никогда не буду тебя обижать, хорошо? Просто отпусти нас, не убивай нас. Мы ведь твоя семья. Разве ты сможешь жить с таким грехом на совести? Я твоя мать, а он твой брат. Ты должен быть благодарен за то, что мы вырастили тебя. Я ведь родила тебя, носила в себе девять месяцев. Ты не можешь так со мной поступать, правда? Умоляю тебя!

Су Чжиэнь почувствовал жалость, но не из-за ее слов о семейных узах, а из страха, что Вэнь Гули действительно может совершить убийство и попасть в тюрьму. Ведь убийство требует отмщения, а он всю жизнь хотел, чтобы Вэнь Гули был хорошим человеком, не запятнанным кровью. Поэтому он взял его за руку и тихо попросил:

— Хватит, не делай этого. Пусть они поклянутся, что больше никогда не тронут меня.

Цай Сяохун, услышав это, подумала, что они спасены, и быстро согласилась:

— Я обещаю, я обещаю. Я больше никогда не трону тебя, хорошо? Отпусти нас.

Вэнь Гули, не выдержав этого зрелища, пнул ее:

— На этот раз я вас отпущу, но если вы еще раз тронете моего парня, в следующий раз разговор будет другим.

Сказав это, Вэнь Гули развернулся и ушел. Су Чжиэнь, опасаясь за его рану на спине, быстро последовал за ним, чтобы обработать его раны.

Братья, увидев, что они уходят, тоже последовали за ними. Ту Фэй, уходя, нарочно пнул Су

Тубао, этого подлеца.

...

Су Чжиэнь отправился в дом Вэнь Гули. Его мать сейчас была на рынке, поэтому она еще не вернулась.

К счастью, она не увидела их в таком состоянии.

Су Чжиэнь и Вэнь Гули сначала набрали воды из колодца и вымыли головы. Оба были с короткими волосами, поэтому быстро справились.

Затем они переоделись и начали обрабатывать раны.

В доме Вэнь Гули было лекарство от ушибов, поэтому он достал его и передал Су Чжиэню:

— Держи, обработай мне раны. Можешь трогать сколько хочешь.

Су Чжиэнь промолчал.

Его слова звучали так, будто он был одержим желанием.

Су Чжиэнь зашел с ним в его комнату и увидел, как он снял рубашку и повернулся к нему спиной.

Су Чжиэнь никогда раньше не видел его спину, и теперь, увидев все эти ужасающие шрамы, он замер, не зная, что сказать.

Его сердце сжалось от боли. Вся спина была покрыта шрамами, не осталось ни одного здорового места. Большинство из них были старыми, похожими на следы от ударов кнутом.

Свежая рана в центре спины была от того кирпича, который он недавно принял на себя.

Сердце Су Чжиэня сжалось, и он, касаясь его спины, спросил:

— Как это случилось?

— Отец бил меня кнутом, когда был не в духе. Я привык.

Су Чжиэнь не мог представить, насколько сильной была его боль, как много он пережил, чтобы говорить об этом так спокойно, словно это было что-то обыденное, вроде еды.

Он, должно быть, уже смирился с этой болью, чтобы говорить так легко.

Вэнь Гули, наверное, очень страдал.

Глаза Су Чжиэня наполнились слезами, и он, казалось, вот-вот разрыдался. Вэнь Гули, увидев, что он не реагирует, повернулся к нему и, заметив, что тот плачет, испугался и быстро вытер ему слезы:

— Ты что, хочешь разбить мне сердце? Я ведь даже не плачу, а ты чего реवेशь?

Су Чжиэнь, дрожа от жалости, сердито ответил:

— Я ведь переживаю за тебя! Мне больно за тебя. Посмотри на эти шрамы, это должно быть

так больно. Почему ты говоришь, что не больно? Почему твой отец так с тобой поступает? Почему нельзя просто поговорить? Зачем он тебя бьет?

Су Чжиэнь, которого с детства часто били плетью, знал, насколько это больно. Но его шрамы не шли ни в какое сравнение с теми, что были на спине Вэнь Гули.

Вэнь Гули, видя, как тот переживает за него, внезапно схватил его за голову и, воспользовавшись моментом, когда он плакал, грубо притянул к себе и поцеловал, слегка прикусив его губу.

Его сердце сжималось, когда он видел, как его парень плачет.

Он поцеловал его несколько раз, собираясь остановиться, но, к своему удивлению, Су Чжиэнь не сопротивлялся, как раньше, а, наоборот, активно отвечал на его поцелуи.

Вэнь Гули был доволен его реакцией и, улыбнувшись, отпустил его, когда тот начал задыхаться.

Затем он прижался лбом к его лбу и тихо сказал:

— Я, кажется, не говорил тебе, что, кроме как в постели, не надо плакать передо мной. Сердце болит, понимаешь?

Су Чжиэнь промолчал.

Вэнь Гули, видя, как он кусает губу и кивает, не выдержал и, схватив его за затылок, спросил с искренней надеждой:

— Су Чжиэнь, ты уже влюбился в меня? Скажи честно, теперь ты будешь со мной встречаться? С серьезными намерениями, вплоть до свадьбы. Согласен?

Вэнь Гули говорил дрожащим голосом, ведь он привык к его отказам и теперь боялся, что тот снова откажет или просто пошутит.

Он с нетерпением ждал его ответа.

Су Чжиэнь поднял на него глаза, его глаза были влажными, но большими и выразительными. Он смущенно схватил его за талию и тихо, почти шепотом, сказал:

— Я ведь уже сам тебя поцеловал. Если бы я не любил тебя, разве стал бы я это делать? Кто сказал, что я не согласен быть твоим парнем? Я уже согласился, когда мы были близки. Я думал, что мы уже встречаемся. Разве ты не так думал?

Его активность действительно была не в его стиле, поэтому он говорил смущенно, а его уши становились все краснее.

<http://bllate.org/book/17683/1649179>